

группы исчезают из регистра политической реальности, продолжая функционировать лишь в качестве симулякров. В противном случае противоречие феноменов модерна со своими симулякрами оказалось бы губительным для последних. Поэтому в условиях политической атрофии социальных групп и отсутствия политических субъектов вне власти симуляция идеологических противоречий производится самой властью.

Таким образом, в историческом времени классического Модерна (символически его можно обозначить как период 1789–1991 гг. – от Великой французской буржуазной революции до краха СССР и распада биполярного мира) любое политическое суждение, претендующее на истину, могло опираться только на реальности, выраженные в форме идеологий. Каждая из идеологий претендовала на универсальность. Связь «больших идеологий» с определенными группами общества позволяла им это общество интерпретировать с классовых позиций, но не позволяла встать над обществом.

В условиях «демократии после Модерна» исчезает четкое закрепление идеологических референций за растворяющимися, теряющими свою метафизичность классами и социальными группами. Популизм вытесняет классово-идеологические способы самоописания, подчеркивавших конфликтность политического взаимодействия и реальное столкновение классовых интересов.

Многопартийная партия власти

Идейные новации вроде «суверенной демократии», «вертикали власти» или «национальных проектов» сами по себе не подтверждают наличия у российской элиты целостного проекта, способного укрепить актуальный политический режим. Между тем «управляемая демократия» отли-

чается весьма шаткой легитимностью, так как за последние семнадцать лет она не породила даже подобия нового общественного договора взамен дискредитированного советского. Речь идет о таком договоре, который, в отличие от формальной легальности как подчинения наличным законам и традициям, подразумевает добровольное и осмысленное согласие большинства населения с ценностями и моральными принципами, лежащими в основе действующего законодательства, социально-политических институтов и практик.

Парадокс, но сама по себе многопартийность, призванная стать легитимирующим хребтом российской политической системы, не всегда тождественна демократии. Например, точки зрения внутривнутрипартийных дискуссий 1920-х гг. о путях развития СССР были принципиальней и содержательней, чем различия никем не читаемых программ современных российских партий, штампуемых по единому популистскому шаблону. Если убрать обложки с названиями, партийные программы не сумеют различить даже эксперты. Российские партии все более дискредитируются в глазах населения именно потому, что сами по себе не представляют *принципиальных альтернатив* друг другу, не способны опираться на социальные страты и выражать их политические интересы. Они являются лишь механизмами для выяснения *внутриэлитарных* отношений. А интересы все более закрывающихся от общества политэкономических элит, в которых постепенно гаснут механизмы вертикальной мобильности, ротации и «социальных лифтов», в своих базовых ценностях слишком схожи, чтобы «идти на принцип» в партийном соревновании. Наоборот, общей интегрирующей сверхзадачей российских элит является профилактическая борьба с альтернативами устраивающему их статус-кво.

Партийная политика в современной России является не состязанием партий и социальных интересов разных общественных групп, а прежде всего борьбой за перманентное перераспределение ресурсов внутри элит. Поэтому не стоит ожидать, что открытые модели публичной борьбы в ближайшей перспективе смогут преодолеть закрытые коалиционные и договорные варианты внутри-элитных соглашений. Ведущие федеральные партии – это во многом продолжения кремлевских политических кланов. В том же числе и «конструктивная оппозиция» – такая как КПРФ и ЛДПР, четко знающая границы «возможного» и «допустимого». Поэтому в случае претензий на принципиальные альтернативы статус-кво любая оппозиция быстро и легко нейтрализуется. Такова судьба и Валерия Гартунга (бывший председатель «Российской партии пенсионеров»), и Дмитрия Рогозина (бывший лидер «Родины»), не говоря уже о печальном финале олигарха Михаила Ходорковского.

Российские партии уже не являются идеологически, то есть не выражают четко обозначенных социальных интересов, а лишь символически присоединяют, «захватывают» в свои орбиты разные группы общества потребления, отказавшегося от классовых репрезентаций. Популистские партии не борются за *собственную* трактовку социальных универсалий. Они лишь прагматично встраиваются в *уже имеющуюся* повестку дня. Поэтому, в частности, заранее обречены на неудачу бесконечные попытки отыскать в речах Президента РФ Владимира Путина и нижестоящих политических VIP-фигур признаки классических идеологий, будь то либерализм, консерватизм или социализм. Российские политики, как, впрочем, и европейские, лишь эффективно отражают массовые ожидания, актуальные запросы общества на определенные идеологические высказывания на «злобу дня».

*Почему у нас не возникли классические
идеологии и партии*

Крах СССР обусловил последующий кризис сложившихся в нем социальных групп «бесклассового общества». Трансформация социальной структуры привела к тому, что в классической модернистской связке «человек – группа (класс, партия) – общество» провисло среднее, связующее звено. Именно деятельность социальных групп и классов как политических субъектов была основой модернистской политики! Но Россия в подобных историях не одинока. В настоящее время злоупотребление различными эрзац-терминами типа «новые правые» или «новые левые», приставками «нео-» или «пост-» указывает именно на крах нормативного языка «великих идеологий» модернистской политики, на то, что «вчерашние» модернистские концепты не способны верифицировать и легитимировать социальную реальность общества потребления.

Нынешнее российское общество все более теряет главное качество классической модернистской демократии – наличие перманентного публичного конфликта значимых социальных групп (классов общества), выражаемого с помощью интегрирующих эти интересы институтов (партий) и систем ценностей (идеологий). Собственно, публичный политический конфликт как основа политической системы исторически не был характерен ни для Российской империи, ни для СССР. Принципиальные споры (в том числе внутри правящей партии) и расколы элит в российской политике обычно кончались смутой и гражданской войной с последующим торжеством тоталитарно-силового консенсуса. Теоретически вероятность аналогичного сценария возможна и в будущем, поскольку у российского общества в постсоветский период так и не сложились ценностные и институциональные критерии

для политических дискуссий, разделяемых основными политическими силами. Новый общественный договор для всего общества, а не только элитарной его верхушки, так и не возник.

Сегодня в российском социуме фактически нет привычных для классово-модернистских обществ социальных групп, а есть лишь «группы населения» (пенсионеры, бюджетники, предприниматели, учащиеся и т.д.), разделяемые скорее уровнями потребления и стилями жизни, нежели идеологиями. Соответственно, на основе аморфных групп населения как феноменов скорее виртуально-статистических, нежели реально политических, не могут возникнуть ни классические партии, ни идеологии, выражающие внятные коллективные интересы.

В результате происходит общая нейтрализация и унификация политического поля, которая заменяет прежнее противостояние идеологий, предлагающих обществу целостные и альтернативные картины мира. Слабость социальных групп и идеологий открывает простор для виртуального политического конструирования. Власть в рамках публичной политики уже не связана значимым «другим», то есть альтернативными общественными силами и интересами. В результате национальные интересы все чаще отождествляются с интересами правящих элит.

В политической риторике идеологические понятия подменяются нейтральной культурной, правовой, антропологической терминологией. Связь «великих идеологий» с определенными группами и классами не позволяла им встать над обществом. Но все попытки «партии власти» опираться на популизм, прагматизм и «центризм» от имени таких политических псевдосубъектов как «государство», «власть» и «народ» указывают на стремление подобную позицию занять.

Система российской политики

Шагреневая кожа российской публичной политики стремительно свернулась и на федеральном, и на региональном уровнях. Назначаемые губернаторы, превратившись из публичных политиков в региональных чиновников, стали новой эманацией генерал-губернаторов Российской империи и секретарей обкомов советского периода. Публичную политику в регионах можно считать исчерпанной. Бизнес и политика пришли в равновесие, собственность и власть отождествились, вновь превратившись в привычную для России «властесобственность». Политические и финансово-экономические группы определили правила игры. Передел крупной собственности и политических ресурсов закончился. Все поделили. Поэтому, когда исчезла вероятность волевым политическим решением пересмотреть итоги приватизации или повлиять на передел крупной собственности, а выборы перестали быть способом решения деловых вопросов, интерес общества к политике объективно снизился.

На практике оказалось, что склонить законодателей и исполнителей к «правильным» решениям по конкретному вопросу или законопроекту с помощью лоббизма выгоднее, нежели проводить во власть «своих» депутатов, участвуя в дорогостоящих избирательных кампаниях. Другая тенденция состоит в том, что мэры, губернаторы и законодательные собрания перестают играть определяющую роль в региональных политических процессах, которые принципиально уже не отличаются от федерального. Ключевые партии, игроки и расклады сил известны заранее, а отделения и партийные списки федеральных партий распределены между группами интересов. Естественно, самая сильная партия является активом главы региона.

В начале 1990-х гг. в условиях кризиса партийно-коммунистической вертикали слабому федеральному цен-

тру не оставалось ничего иного, как ослаблять регионалов путем создания систем сдержек и противовесов в субъектах Федерации по линии конфликта «губернатор – глава областного центра». В большинстве субъектов этот принцип работал, местные политические конфликты поощрялись. Но в ходе укрепления вертикали власти губернаторы и мэры волей-неволей были вынуждены разрешить свои ключевые противоречия или, по крайней мере, вывести их за пределы публичной политики и выборов. Это происходит из-за вхождения и тех, и других в вертикально интегрированный холдинг «партии власти», где они вынуждены работать сообща и без публичных конфликтов, чтобы просто сохранить свое место во властной вертикали. Естественным образом региональные политические распри отходят в прошлое, а многопартийность теряет политический смысл. Федеральный центр окончательно и в одностороннем порядке переписал федеративный политический договор с регионами в свою пользу.

Большинство регионов лишается своего уникального политического лица, превращаясь в зависимое приложение федеральной матрицы. Одновременно заканчиваются времена, когда политэкономическая фронда выясняла отношения с действующим мэром, губернатором, президентом через борьбу партий и выборы, поскольку *случайные* региональные и федеральные лидеры уже давно выпали из политической обоймы вертикали. Все нынешние лидеры регионов прошли тщательный отбор и уже не раз доказали, что занимают свои посты *закономерно*. И, наконец, различные региональные и федеральные финансово-промышленные группы осознали, что проще решать свои проблемы путем неформальных и непубличных схем взаимодействия, чем через открытое политическое противостояние.

Могут ли альтернативные «Единой России» партии власти быть использованы новыми конкурентными элита-

ми для борьбы за влияние в регионах? Скорее, нет, так как открытая борьба наносит ущерб всем. Выгоднее договориться под ковром. Кремль не поощряет реальной политической конкуренции в регионах, так как это вещь заразная, способная перекинуться на федерацию в целом. А потенциальный конфликт между партиями власти разрушит единство властной элиты изнутри.

Поэтому суть многопартийности в регионах проста. Организационные ресурсы и бренды федеральных партий на выборах в региональные парламенты даются на откуп местным ФПП. Главное условие при таком распределении – лояльность «спонсоров» и отсутствие политических амбиций. В результате партии используются просто как механизмы лоббирования политэкономических интересов разных сегментов элит.

Символическое позиционирование «партии власти»

Нынешнее место «Единой России» в системе идеологических координат представляет нечто вроде плавающей точки, всегда находящейся в наиболее выгодном месте. Поэтому партия власти в зависимости от актуального контекста может быть и либеральна, и консервативна, и патриотична. И в то же время не быть ни первым, ни вторым и ни третьим. «Единая Россия» как связующий механизм всей политической системы работает поверх любых границ, обращаясь ко всем сегментам электората, не ограничивая себя рамками определенных социальных групп и идеологий. И если эффективность вступает в противоречие с программными установками, партия власти закономерно выбирает эффективность, предпочитая ее верности тем или иным ценностям и принципам.

Таким образом, «Единая Россия» есть не классическая партия, но *электорально-административная машина*. Все идеологические ценности здесь не более чем технологическое средство, связанное с достижением конкретного

результата, а не с доказательством высоких истин. В то же время целью «партии власти» становится такая настройка российской политики, в которой доверие населения направляется бы на *сами усилия* органов власти, вне зависимости от целей и итогов их реальных действий. На первый план выходит стремление к интерпретации любого действия или бездействия власти как *блага*.

«Единая Россия» не является обычной партией еще и потому, что партия, согласно политической этимологии, представляет организованное отражение интересов лишь части общества. Она же *pretendует на репрезентацию «целого» российской политики*. «Единая Россия» – это паллиатив всего публичного политического поля, институционально оформленный консенсус политико-экономических и федерально-региональных элит. Она стремится свести к нулю все альтернативы. Спорить с такой «партией власти» на равных невозможно. Можно лишь интегрироваться (кооптироваться) в нее, либо стать врагом государства и народа. Иного логически и символически не дано. Партия власти превращается в эрзац публичной политики.

Общая стратегия «Единой России» опирается не на выработку новой идеологии или национальной идеи, а на обеспечение в российской политике «торжества здравого смысла». Эта партия предстает хранителем и выразителем самоочевидных, как бы вне-идеологических, истин и норм, что автоматически переводит любых ее оппонентов в противников здравого смысла, то есть в разряд апологетов всего ненормального и экстремистского. А с патологиями не спорят, их «лечат». Поэтому диалог партии власти с кем-то из оппонентов на равных оказывается неуместен.

Размытость идеологии не случайна. «Единая Россия», в отличие от классических партий, не нуждается ни в более четком социальном позиционировании, ни в идеологии. И то, и другое лишь ограничивает ее ресурсы и возможности,

нацеленные на электоральный захват *всего* общества. На эту задачу работает и предельно техническая, прагматическая риторика, использующая такие неидеологические понятия как эффективность, прозрачность, стабильность, конкурентоспособность, оптимизация и т.п.

Многopартийная партия власти как перспектива

Сегодня очевидна нарастающая усталость населения от доминирующих в последние годы политических брэндов, поскольку под разными политическими марками избирателю все чаще предлагается один и тот же товар. «Партия власти» всего лишь клонируется в нескольких ипостасях, среди прочего симулируя и оппозицию себе самой. Естественный пик популярности и новизны «Единой России» уже прошел. В нашей стране чистый ресурс лояльности населения любой «партии власти» – 10-15% голосов избирателей, не более. Таковы бывшие рейтинги и гайдаровского «Демократического выбора России», и черномырдинского «Нашего дома – России», и нынешней «Единой России», за вычетом «административного ресурса», рейтинга Владимира Путина, региональных «локомотивов» в лице губернаторов и мэров. Естественный предел политического брэнда «Единой России» давно достигнут.

Потенциал роста теперь связан только с диверсификацией политических активов «партии власти». Чтобы достичь кумулятивного эффекта, Кремль перед предстоящими думскими выборами стал возвращать идеологических сателлитов «партии власти» по всему политическому спектру – в этом ряду «Свободная Россия» и «Гражданская сила» вместо СПС и «Яблока», «Справедливая Россия» – вместо «Российской партии пенсионеров», «Родины» и КПРФ. Попутно решается и другая задача: обеспечивается политическая интрига, видимость борьбы как информационного сюжета, привлекающего избирателей к урнам. Виртуальная

борьба между фракциями «партии власти», будь то «Единая Россия», «Справедливая Россия» или ЛДПР, такую интригу, безусловно, создает.

Согласно данным Фонда «Общественное мнение» от 6-7 октября 2007 г., в новую Государственную Думу теоретически попадают четыре партии: «Единая Россия» (40%), КПРФ (8%), ЛДПР (6%), «Справедливая Россия» (4%). Остальные партии не набирают более 1% голосов¹. Учитывая, что проходной барьер составляет 7%, можно предположить, что в нижней палате окажется только одна партия. Это, однако, глубокое заблуждение, поскольку опрос исходит из того, что на выборы явятся 100% избирателей. Если же принять во внимание состав реально голосующих, то статистическая картина будет иной. Это прежде всего традиционно активные пенсионеры или бюджетники во многом недовольны властью. Поэтому, например, в условиях низкой явки реальный голос пенсионера стоит в два, а то и четыре раза дороже (в зависимости от уровня выборов), чем голоса других категорий населения; получается это из-за того, что другие категории населения в три или четыре раза реже являются на выборы. И поэтому, например, реальный рейтинг КПРФ можно смело увеличивать в два раза, с 7 до 15-18%. Аналогичная ситуация со «Справедливой Россией» при условии, что она сможет использовать популистский ресурс влившейся в нее «Российской партии пенсионеров». В перспективе «Справедливая Россия» будет вытеснять с левого поля КПРФ. Ее главные козыри – новизна и надежды, которые на нее возлагает избиратель, в отличие от тех партий, с которыми «давно все ясно». С другой стороны, демонстративный выбор Президента РФ в пользу «Единой России» серьезно ослабил электоральный и административный потенциал «Справедливой

¹ См.:

<http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom074101#Abs3>

России», во многом базировавшийся на ее репутации второй (запасной) партии власти.

Таким образом, многопартийная партия власти в виде «Единой России» и ее сателлитов – «Справедливой России» и ЛДПР – может успешно *герметизировать российскую публичную политику*. У оппозиции не останется шансов, если только вдруг не произойдут действительно катастрофические события социального или природного плана. Но подобные альтернативы лежат за пределами публичной политики. Неслучайно в ходе политических переворотов в Кыргызстане, Грузии и Украине эффективными оказались не партии, а молодежные и иные формально неполитические движения. Такова особенность и российской политики, которая в дальнейшем будет все чаще напоминать о себе.

Но наиболее вероятный сценарий возникновения новых альтернатив статус-кво связан все же с расколом правящей элиты. Поэтому возникновение и временное сосуществование двух легальных партий власти – «Единой России» и «Справедливой России» – несмотря на электоральную эффективность и диверсификацию политических рисков – угрожало «партии власти» серьезными неприятностями. Борьба «нанайских мальчиков» может превратиться в борьбу реальную, если элиты второго эшелона сконцентрируются на перезапуске приостановленных механизмов ротации элит. В свою очередь, обновление элит из-за раскола бывших соратников по актуальному кремлевскому «политбюро» может стать источником *реальных* политических изменений. С другой стороны, российское общество, испытав в постсоветский период «шоковые реформы», привыкло любые социальные перемены (и даже призывы к ним) трактовать как априорное зло в противовес «меньшему злу» в виде статус-кво. Пока этот консерватизм как фундаментальное настроение общества работает на сохранение нынешнего политического режима. Но настроение рано или поздно может измениться.

Условия и возможности обновления

Наибольший вклад в изменение охранительных настроений вносит сама «партия власти». Отечественная властвующая элита все больше отказывается от коммуникации, предпочитая режим политического монолога, приказа или умолчания. Но молчание всегда работает против того, кто молчит. Отказ от коммуникации и подавление публичных инициатив играют против власти, символизируя априорное признание ею собственной неправоты, особенно в тех случаях, когда на любое микроскопическое и маргинальное публичное мероприятие оппозиции привлекается на два порядка больше блюстителей закона. Между тем в России традиционно протестуют только по фундаментальным вопросам, когда не выступить уже нельзя, поскольку глупость и вред новых законов или иных новаций власти бесспорны.

Перестраховка властных элит вполне рациональна и обоснована. Директор ВЦИОМ Валерий Федоров в данной связи отмечает: «Большинство россиян полагают, что наше сегодняшнее общественное устройство несправедливо. Оно в меньшей степени отвечает их понятиям о норме, чем советский уравнительный социализм. С этим обстоятельством люди мирятся. Революционные настроения, стремление «взять и все поделить» – удел немногочисленных маргинальных групп. ... Но и массовой поддержкой, признанием моральности и справедливости существующий социальный порядок похвастаться не может. Такая ограниченная лояльность жителей нашей страны по отношению к ее общественному устройству представляет собой своеобразную мину замедленного действия, заложенную под российское государство. ... Стоит ли ждать, когда придет новый Савонарола и, используя энергию социального протеста, попытается разрушить российскую государственность?»¹.

¹ Цит. по: Федоров В. В ожидании Савонаролы // <http://www.vz.ru/columns/2007/1/24/65660.html>.

Скорее всего, Савонарола все же не придет, так как в настоящее время в России де-факто нет политического сообщества *вне-властных* социальных групп и организаций, способных к диалогу на равных с органами власти. Даже социальные связи сводятся преимущественно к горизонтальным связям – работник/работодатель, семья, друзья и ... все. А модные нынче теории социальных сетей относятся в российской политике скорее к плану воображаемого, чем действительного. Поэтому перспектива политической самоорганизации снизу выглядит химерично.

Проблема не только в изменении состава правящего класса и неэффективности способов его легитимации, но и в общей трансформации и фрагментации классовых обществ эпохи Модерна. Современные «индивидуализирующиеся общества»¹ становятся дискретными и не выполняют более функций универсализации. С другой стороны, и сами «молчащие массы» не демонстрируют внятных идеологических предпочтений, голосуя за разные версии «партии власти» и демонстрируя удовлетворение ценностными аксиомами общества потребления. Вся его критика сводится к «справедливой» корректировке потребительских практик, а не к выдвижению альтернатив потребительству как таковому. Поэтому в ситуации «имплозии масс»² выборы и иные действия с участием народа являются не более чем симуляцией участия и легитимацией уже принятых элитами решений.

Соответственно, в условиях всестороннего свертывания публичной политики все острые социально-политические вопросы переводятся «партией власти» в плоскость конфликтов поколений, поиска воображаемых внутренних врагов и внешних угроз. С точки зрения такой логики, полу-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

² Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства ... С. 7.

чается, что критически настроенные к статус-кво группы населения не имеют осмысленных требований, а просто что-то недопонимают. Но стоит им объяснить принципы объективной реальности, и они сами осознают свои заблуждения.

Вытеснение оппозиции планомерно переходит из сферы публичной политики в область чистой деструкции. В освещении СМИ противники оказываются либо молодежью, которая не доросла еще до «взрослой политики», либо маргиналами и асоциальными элементами – агентами влияния или упорствующими в заблуждении фанатиками, с которыми в любом случае нет смысла договариваться. Их нужно или лечить, или пороть. Политическая природа социальных конфликтов элегантно замещается беспроблемными метафорами незрелости, инфантильности и ангажированности оппонентов.

Реальная демократия как состояние перманентного конфликта социальных интересов, периодически пересматриваемого в результате выборов, предполагает наличие действительных альтернатив статус-кво. Причем ни одна позиция не может восторжествовать окончательно, поскольку в случае проигрыша всегда есть шанс выиграть в будущем. Именно в подобной «незавершенности» любых решений заключается основа основ демократии. Такого механизма в России все еще (или уже?) нет. А это значит, что институциональные механизмы включения во внутренний план политической системы значимых вневластных позиций и альтернатив сегодня тоже отсутствуют. Но безальтернативность ведет к подспудному накоплению в обществе неразрешенных противоречий. Поэтому политические изменения в будущем могут быть только деструктивными, радикально делегитимирующими «партию власти», не реформирующими, а взрывающими статус-кво. К сожалению, опасность подобного положения вещей российским правящим классом не осознается.